

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМА ПОСРЕДСТВОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

А. А. Дариков, А. П. Василенко

Брянский государственный университет, Брянск, Россия

Рассматриваются модели построения фразеологизма, реализующего глагольную семантику. Первая модель — образ фразеологизма на основе логической завершенности событий: временные рамки не заданы, само действие единоразово. Вторая модель — действие, описывающее переход из одного состояния в другое. Третья — образ фразеологизма по принципу поэтапной реализации событий: исходное действие, процесс действия, результат действия.

Ключевые слова: *фразеологизм, семантика, процессуальность, моделирование образа фразеологизма, метафора.*

Рассматривая приемы организации устойчивых оборотов, следует обратить внимание на то, что описание любой тематической группы фразеологизмов связано в том числе с описанием их грамматического устройства и лексического (вернее, компонентного) наполнения.

Разноплановость такого подхода приводит к выводу о том, что типология, или систематизация фразеологизмов не может быть априори однотипной: каждый раз возникает отличительно новая позиция, позволяющая моделировать, оценивать и ранжировать единицы под разным углом зрения [3. С. 155].

Так, изучая специфику конкретно взятой тематической организации, необходимо обращать внимание не только на видимую часть знака (план выражения фразеологизма, то есть видимую лексико-грамматическую архитектуру), но и принимать в расчет внутреннее содержание, которое по своей сути имплицитно [10. С. 12]: оно включает разнообразные тропеические механизмы, в свою очередь, задающие этимологический вектор в раскручивании истинного содержания фразеологизма на основе тех исторических фактов, которые послужили отправной точкой в формировании устойчивого выражения и последующего его закрепления в речи [11. С. 830]).

Любопытно заметить, что с ходом времени мотивационный параметр значения утрачивает свою актуальность, стирается, исчезает из памяти народа — что и придает устойчивому выражению статус идиоматичности, непонятности, непрозрачности семантики [7. С. 215].

Семантика фразеологических единиц (ФЕ), которая представляет устойчивые обороты процессуальной направленности, как и любая тематичес-

кая группа, имеет свою внутреннюю организацию и типологию [4. С. 145].

Процессуальная семантика фразеологизма основывается прежде всего на том, что образное основание устойчивых оборотов (на компонентном уровне) должно отражать некоторое действие. Это «некоторое действие» примарно, оно грамматически очевидно и не поддается сомнению (об этом — частеречная принадлежность компонентов к ряду глаголов, отражающих процесс).

Для глагольной семантики очень важно раскрыть пределы реализации действия. Действие имеет начало, протяженность, а также имеет и свою конечную стадию, при которой достигается (или не достигается) определенный результат.

Ступенчатый (фазовый, поэтапный) подход в определении глагольной семантики принадлежит грамматическому значению совершенного и несовершенного вида процессуального компонента. Характерная, скажем, для русского языка, процессуальность, имеющая оттенок многоразового совершения некоторого действия, передается, как правило, инфинитивными компонентами (не надо *бить баклуши*; глупо *петь лазаря*; не стоит *стрелять из пушки по воробьям*) или личными формами тех же глагольных компонентов (он *бил баклуши*; ты *пел лазаря*; они *стреляли из пушки по воробьям*).

Например: фразеологизм *и след простыл* ‘об исчезновении кого-либо’ [2. С. 617]. Простыл, остыл — температурный показатель как проявление активности живого организма, а также темпоральный признак «долго», выраженный приставкой *про-*. Простыл, остыл — понижение температуры как показатель деактивации некоторых процессов у большинства живых организмов.

Фразеологизм *корова языком слизала* (слизала, съела) [5. С. 256] — глагол прекращения исходного состояния, переход в иное качество: *слизать* — направленное апроприирующее воздействие на объект, находящийся на видимой поверхности, с целью его захвата (X слизал находившегося (снаружи) Y — значит Y попал во власть X; корова слизала то, что было снаружи, поэтому, то, что было снаружи, попало корове внутрь).

Фразеологизм *провалился сквозь землю* [Там же. С. 204]: *провалиться* — глагол смены положения в пространстве. *Провалиться* — значит, будучи на поверхности объекта, попасть в состояние, когда нарушаются изначальные параметры этого преобразуемого объекта, позволяющие через его обновленный статус проникнуть в другое состояние или измерение.

Грамматическое значение процессуальных компонентов влияет на общую семантику оборота. Так, грамматическое значение несовершенного вида — это прежде всего развивающийся процесс (динамическое состояние объекта), а грамматическое значение совершенного вида показывает степень достижения результата действия, очерчивает границы, пределы этого действия.

Очевидно, что речь идет об аспектуальности — глагольном действии, а также его протекание во времени. С этой точки зрения действие может быть предельным (в полном объеме) и неопредельным [1].

Итак, первая группа фразеологизмов с глагольным компонентом — процесс, не ограниченный во времени (неопредельность).

Модель 1. Первый и наиболее частотный разряд — это фразеологизмы процессуальной семантики, построенные по модели однофазного действия — действия, которое выполняется единожды, разово, но не ограничено во времени.

Отличительной особенностью данной группы является продолжительность действия, не лимитированная временными рамками, а также логическая завершенность (результат). Главное действующее лицо — субъект, который выступает явно или неявно в качестве организатора процесса. Кроме того, следует выделить и другие характерные черты глагольных компонентов данной группы: осознанность выполняемого субъектом действия, преднамеренность совершения действия и особый вид контроля со стороны субъекта.

Приведем некоторые примеры фразеологизмов с однофазным процессуальным компонентом: *зайти в тупик* [2. С. 674] (однофазность выражена некоторым единоразовым действием X, которое созда-

ет для самого же X точку невозврата); *пробивать путь* (дорогу) [2. С. 198] (однофазность выражена поступательным однотипным (целесолагающим) действием X, которое направлено на конкретный результат); *брать на буксир* [2. С. 64] (однофазность видится в совершении конкретного наставнического действия со стороны X с тем, чтобы оказать воздействие Y); *звать в шею* [8. С. 759] (однофазность видится в метафорическом образе терминальной стадии коммуникации, в ходе которой X применяет грубую силу (как единственное разрешение дела в складывающейся обстановке) по отношению к Y); *брать верх* [5. С. 59] (однофазность выражена некоторым амбициозным действием, направленным на преобладание перед кем-либо или в чем-либо либо на укоренение в доминирующем статусе).

Как видно, фразеологические компоненты данной группы призваны обозначать исключительно результативность действия — однофазный (или типовой) процесс, который находится за пределами квалификативной интерпретации и темпоральных рамок.

Все же сравним ситуацию, когда использование временного континуума (совершенный и несовершенный вид компонентов-глаголов) может влиять на значение процессуальности. Например: 1) *Всякий раз нужно делать пользу обществу — срывать маску с лицемеров*; 2) *Он понимал: в этих словах нет правды — и сорвал с нее маску, сказав, что такой истории не могло быть и в помине.*

Фразеологизм *сорвать маску* [5. С. 300] имеет однофазную установку, направленную на прекращение X, как ему кажется, неприличествующих действий со стороны Y. Инфинитивная форма в случае 1 является маркером итеративности, то есть здесь — действия, неограниченного в количественном аспекте — многократном. Наоборот, в примере 2 грамматическое значение прошедшего времени говорит о сингулярности действия. Несмотря на разный характер повторяемости, следует все же говорить об однофазности глагольного компонента лишь потому, что само действие не направлено на достижение конкретного результата.

Разумеется, возможно дальнейшее уточнение данной группы, что неизбежно приводит к указанию частных характеристик глагольных компонентов однофазной семантики. В этой связи выделяются такие группы:

А). Обозначается группа фразеологизмов с обязательным указанием участников: тот, кто выполняет целенаправленное действие, и тот, на кого это целенаправленное действие реализуется.

Например: *выводить на чистую воду кого-либо* [8. С. 84] ('предпринимаемые действия со стороны X имеют цель перевести из намеренно создаваемого состояния Y в состояние, близкое к истинному положению вещей, — то, в чем заинтересован сам X'); *протягивать руку помощи кому-либо* [2. С. 584] ('альтруистическая предрасположенность X к окружающим дает возможность Y оказаться для себя в более благоприятном положении'); *оставить кого-либо в покое* [5. С. 412] ('X принимает решение прекратить свое деструктивное воздействие на Y, при этом Y, освобождаясь от влияния X, начинает пребывать за пределами воздействия X в относительно спокойствии').

Б). Обозначается группа фразеологизмов, где очевидна инициатива субъекта действия в отношении самого себя с целью достижения необходимого для субъекта положительного результата, или саморегулятивные способы действия субъекта.

Например: *наводить справки* [2. С. 638] ('X проявляет интерес в отношении Y с целью самоинформирования для последующих потенциальных действий в отношении Y'); *пустить пулю в лоб* [5. С. 444] ('очевидный дейктический характер действия в выражении напрямую связан с конкретным субъектом, предпринимающим в отношении себя радикальные (эвтаназийные) меры: X → X'); *приводить себя в порядок* [8. С. 510] ('самоорганизация X в некотором пространственно-временном континууме неизбежно приводит X к слаженным действиям в рамках некоторой системы').

В). Обозначается группа фразеологизмов, где процессуальное значение помимо осознанности со стороны субъекта имеет демонстративную (а иногда умышленную, злостную) коннотацию.

Например: *распускать слухи* [6. С. 662] ('X, осознавая истинное положение дел, умышленно занимается распространением заведомо ложной информации, чтобы заставить поверить окружающих в иной расклад'); *бросать в лицо* [5. С. 285] ('коммуникативная транспарентность X обусловлена его стремлением действовать открыто (иногда неприятно для собеседника, язвительно) в глазах Y'); *давать слово* [2. С. 621] ('ассертивная линия поведения X свидетельствует о его способности контролировать процесс и нести полную ответственность за результат перед Y').

Г). Обозначается группа процессуальных фразеологизмов когнитивно-аффективной семантики. Данное объединение включает устойчивые обороты, которые передают эмоциональную (весь спектр положительных и отрицательных настроений) со-

ставляющую субъекта, его мыслительные процессы (рассуждение, умозаключения).

Например: *отдавать себе отчет* [Там же. С. 472] ('X, руководствуясь некоторыми правилами поведения, признает все возможные последствия подобных манипуляций, в том числе те, которые могут нарушать целостность системы либо идти вразрез с ней'); *доходить своим умом* [5. С. 546] ('X, применяя индуктивно-дедуктивный метод решения вопроса, в индивидуальном порядке (как правило, без помощи сторонних лиц) приходит к положительному результату, который, как показывает практика, основательно фиксируется в сознании X, формируя жизненный опыт'); *доставлять радость* [6. С. 177] ('X по определенному случаю транспонирует окружающим свою положительную эмоцию, при этом и сам являясь средоточием этой эмоции в данном акте коммуникации').

Как видно, выделенные подгруппы объединяются однофазностью процессуального компонента, сопряжены с целенаправленностью и осознанностью самого действия, могут реализовывать действие в полном объеме или не ограничиваться реализацией во времени.

Модель 2. Вторая по количественному составу — модель фразеологизмов процессуальной семантики, в рамках которых реализуется коннотативное значение перехода из одного состояния в другое, то есть квантитативными и квалификативными преобразованиями субъекта или объекта.

Отличительным свойством данной группы является отсутствие лимитативной коннотации как результата процесса, представленного глаголом, но наличествует факт некоторого процесса, приводящего к смене исходного состояния субъекта, предпринимающего это действие. Фразеологический образ не определяет терминальность указанного в нем метафорического процесса.

Кроме того, трансфигурация объекта не является результатом преднамеренности, осознанности, контролируемости со стороны действующего лица (как это было в первой группе 1.1, — однофазная процессуальность). Запущенный механизм видоизменения характеризуется автономностью и, как было сказано ранее, безрезультативностью протекания.

Например, *входить в колею* [5. С. 246] ('текущее состояние X не соответствует диктуемым обстоятельствами требованиям; предположительно хаотичное состояние (относительного чьей-либо модели поведения) требует корректировки, что позволяет X или вынуждает X выбрать правильный

в заданной ситуации вектор движения’); *пускать корни* [Там же. С. 255] (‘экзистенциальное пространство, в котором оказывается X, дает возможность X делать выбор в пользу некоторой хронотопической модели поведения, позволяющей ощутить X долю умиротворения, безмятежности, психофизического комфорта’); *мозолить глаза* [2. С. 124] (‘итеративность действий X в сфере зрительной перцепции Y вызывает комплекс эмоциональной раздражительности Y, при этом раздражительность Y является сопутствующей (но не результирующей!) реакцией на поведение X, которое, в свою очередь, может быть и непреднамеренным (эпизодическим) или вовсе не входящим в планы X — то есть быть рефлекторным, машинальным).

Однако в этой группе можно говорить о пределе логического характера, но этот предел, скорее всего, неизбежный результат на пути в то состояние, при котором субъект функционирует, ориентируясь (но необязательно достигая этого статуса) на принципиально новую (или знакомую, плодотворную или неплодотворную) модель поведения.

Например: 1) *После летних каникул студенты постепенно входят в рабочую колею*; 2) *Молодожены со скрипом примеряют на себя семейную жизнь до тех пор, пока не войдут в колею*. Обе фразы, в составе которой употреблен уже рассмотренный ранее фразеологизм *входить в колею*, показывают неизбежный логический переход субъекта действия (1 — студенты, 2 — первокурсники) в состояние, кардинально отличающееся от предыдущего.

Смена режима пребывания в некотором статусе влечет за собой стрессовую ситуацию организма, который обязан (к вопросу об инстинкте самосохранения) принимать адаптивные меры, интегрируясь в новые (или забытые ранние) для него условия существования.

Все же стоит полагать, что в приведенных примерах процессуальная семантика фразеологизма *войти в колею* не является целью субъекта. Это маркер логического перехода из одного состояния в другое (межэтапный период), смена количественной и качественной составляющей субъекта в его активности, но не целеполагания.

Ведь, скажем, во фразе 1) *войти в колею* [5. С. 246] означает, скорее всего, уход от ранее принятой формы поведения (был период летних каникул, а на текущий момент — учебный процесс) и переход в другой режим, но уже налаженный ранее, а во фразе 2) *войти в колею* — смена социального статуса, появление нового объема ответственности и за себя, и за другого.

И в том и в другом случае целью не является вхождение в *колею*, это всего лишь срединный режим (и собственно режим) поведения на целом пути, но не целеполагание как таковое: для студента (1) целью становится не вхождение в колею (промежуточный статус), а, скажем, получение диплома с последующим трудоустройством (результат учебы); для молодоженов (2) целью становится не вхождение в колею (один из этапов построения семьи), а совместное создание и продолжительное ведение общего хозяйства.

Вторая модель фразеологизмов глагольной семантики включает компоненты устойчивого оборота, которые номинируют разнообразные процессы, но не связанные с логической исчерпанностью — неопредельные глагольные компоненты фразеологизма.

Представленное образом фразеологизма действие характеризуется статичностью протекания, гомогенной реакцией; показатель лимитативности процесса отсутствует.

Спецификой группы становится тот факт, что действие не находится в стадии развития, оно имеет текущий (инерционный, но не развивающийся) характер; действие не имеет целеполагания и логического исхода, не подвергается контролю со стороны внутренних либо внешних источников.

Например: *руки чешутся* [8. С. 585] — субъект испытывает сильное желание использовать физическую силу по отношению к объекту для того, чтобы доказать свою правоту или точку зрения (неверную — в том числе) (‘X испытывает эмоциональную неудовлетворенность поведением Y, что имеет воплощение в тактильных ощущениях на верхних конечностях X’). Действие не лимитировано, оно не развивается (статично), лишено логического исхода, имеет перфектную коннотацию. Действие образа сопряжено с семантикой дискомфорта и путями решения противоречия — незамедлительного устранения состояния (чешется — надо почесать). *Глаза слипаются* [5. С. 107] — образ, который демонстрирует высокую степень усталости субъекта; само действие — неконтролируемо; наступает переход из фазы бодрствования в фазу покоя. Сам процесс не имеет логического исхода (субъект не ставит перед собой цель заснуть), а является лишь частью общего парасимпатического процесса, физиологически организуемого телом на том уровне, на котором субъекту неподвластно — ‘X как отдельный независимый организм-система оказывается под влиянием внутренних биохимических процессов организма (контролируемой

природой) и вызывает состояние, при котором X выходит из привычного ему состояния активности и, еще не перейдя в новый режим, испытывает состояние вынужденной релаксации (глаза слипаются — нетипичное (вынужденное) состояние для бодрствующего организма)'. *Мурашки бегают по телу* [2. С. 417] — субъективные ощущения организма в ответ на возникшее состояние страха, неуверенности, волнения. Парастезия (ощущения расстройства нервных окончаний) возникает от многих факторов. Движение мурашек не является логическим исходом — это лишь медиальное состояние как ответная (скорее всего, неподготовленная или вторичная, не основная) реакция на раздражитель, но сам фактор, спровоцировавший появление мурашек, может давать вектор движения в совершенно иную плоскость, а вот бегание мурашек самоцелью быть не может.

Итак, вторую группу оборотов составляют фразеологизмы глагольной семантики с отсутствием целеустановки и логической завершенности действия. Как правило, в данной группе используется текущее состояние — по убыванию или возрастанию признака.

Как и в первом разряде, в текущей группе также возможно дальнейшее уточнение смысла, передаваемое глагольным компонентом фразеологизма.

А). Глагольные компоненты, передающие интеллектуальное, физическое, эмоциональное состояние животного или человека (в подавляющем случае это человек), а также окружающей природы и предметов быта. Состояния в них — статические, неразвивающиеся, не связанные с количественными либо качественными преобразованиями.

Например: *клевать носом* [5. С. 238] ('X, пребывая в состоянии перехода из бодрствования в полусон, выполняет специфические движения головой: резкое движение вниз (падение) знаменует погружение в сон, а последующее движение вверх (исходное положение) является признаком осознанного возврата в состояние активности'). Физиологическое состояние человека представлено фрагментом зооморфной метафоры — *клевать* (о птицах, которые выполняют резкие движения клювом для захвата пищи). *Клевать* — действие нетерминальное, цели не имеет, является маркером активного состояния.

Питать надежду [2. С. 423] — 'X испытывает относительную долю уверенности в свершении некоторого факта'. Сема «доставить что-либо куда-либо, снабдить» не включают никакую «цель» — это лишь факт некоторого процесса, передающе-

го эмоциональное состояние. Однако в семантике фразеологизма *питать надежду* можно увидеть целеполагание: делать (питать) для того, чтобы (была надежда). Но стоит заметить, что процесс *надеяться* не может быть рассмотрен как конечный результат, это качественная характеристика внутренних переживаний субъекта, того, кто совершает данное действие.

Фортуна улыбается [5. С. 558] — 'X, состояние окружающей действительности (ход вещей), обеспечивает благополучное стечение обстоятельств и благотворное их влияние на Y — того, кто предпринял некоторое действие'. Антропоморфизм образа фразеологизма делает акцент на симультанном развитии событий: Y существует сейчас — X (фортуна) улыбается сейчас. Глагольный компонент несовершенного вида *улыбаться* не передает законченное действие, которое имеет выход к определенному результату. *Фортуна улыбается* — это лишь стечение обстоятельств (а не итог), потенциально имеющее плодотворное разрешение вопроса из-за положительно настроенного мироздания (X) по отношению к Y. Если есть благоприятное стечение обстоятельств (*фортуна улыбается*), то это дает лишь некоторую возможность для реализации (необязательно!) планов, но не сами реализованные планы.

Б). Группа глагольных компонентов, в семантике которых наличествует процессуальный компонент, выражающий не столько непрерывное действие, сколько его совокупную количественно-качественную характеристику (признак) в рамках всего образного основания фразеологизма. Действие во времени не ограничивается: действие — постоянно-непрерывное (о постоянно-непрерывном действии, например, [1. С. 30]).

Например: *не видеть дальше носа* [9. С. 145] — «мало понимать окружающее, минимально оценивать происходящее». Нос, как часть лица, имеет разную длину, но в любом случае отступающая от головы на небольшое расстояние. То, что находится рядом и физически досягаемо для обзора без приложения особых усилий, то, разумеется, близко, просто и понятно (не дальше собственного носа). Оборот используется с неодобрительной коннотацией. В семантике оборота результативность процесса не заложена. *Обивать пороги* [5. С. 420] — 'много'. Субъект многократно (несовершенный вид глагольного компонента) предпринимает действие по преодолению преграды на пути (порогов).

В). Группа процессуальных фразеологизмов, глагольный компонент которых участвует в создании

манеры перманентного поведения человека, обывновения себя вести в определенной ситуации. Для данного объединения фразеологизмов свойственны семантическая лонгитюдность и отсутствие результата действия.

Например: *держаться (стоять) в стороне* [9. С. 229] — ‘Х прилагает усилия для того, чтобы сохранять свое текущее (незаметное, отдаленное) расположение относительно центра событий’. Длительность пребывания в арьергардном состоянии не лимитирована. Текущий статус обусловлен нежеланием субъекта быть в центре внимания по некоторым личным причинам. *Бить баклуши* [Там же. С. 16] — ‘Х строит свою линию поведения таким образом, чтобы энергетические затраты собственных внешних и внутренних сил были минимальными, старается уклониться от выполнения некоторой задачи’. Фраза используется с неодобрительной (порицательной) коннотацией и направлена на оценку лица относительно его постоянного способа действия. *Стоять на своем* [5. С. 230] — ‘очевидная убежденность X относительно собственной модели поведения в определенной ситуации’. Незыблемость поведенческой модели, высокая степень асертивности. Фразеологизм употребляется как в положительном, так и в отрицательном контексте суждения.

Г). Процессуальный компонент данной группы передает стимул-реакцию (аттитюд) на положение дел. С количественным и качественным преобразованием не связан.

Например: *смотреть сквозь пальцы* [5. С. 380] — ‘Х намеренно не проявляет заинтересованности в происходящем, не обращает внимания из каких-либо побуждений, отвечающих чьим-либо интересам’. Образ строится на основе реально воплощаемого процесса визуализации, которой частично препятствует искусственно созданная преграда, расположенная на концах конечностей. *Вставлять палки в колеса* [5. С. 382] — ‘манифестация яркой антипатии X по отношению к Y’. Образ фразеологизма связан с перемещением в пространстве объекта и посильным участием субъекта в невозможности для объекта совершать данное перемещение в обычном (комфортном) режиме. *Не подавать руки* [2. С. 584]: подать (жать) руку — одно из последовательных поведенческих привычек в линейке приветствия, как правило, между мужчинами. Не подать руки — символ намеренного дистанцирования в социальном, национальном, политическом, психологическом или ином ключе.

Итак, отличительной чертой второй модели процессуальных фразеологизмов является нетерминативность описываемого метафорического действия, которая, отходя на второй план, уступает место качественной оценке происходящего с учетом эмоционального или рационального режима поведения говорящего. Упоминаемые коннотации социально обусловлены, узуально закреплены, зачастую отсутствуют в словарной дефиниции.

Модель 3. Третью модель составляют устойчивые обороты, в которых глагольный компонент представляет исходное действие, процесс действия, результат действия. Сложная по смысловому наполнению группа также содержит элемент оценки и качество выполняемого действия. Можно определить следующие наиболее частотные подгруппы:

А). Глаголы физического, интеллектуально и эмоционального состояний, которые претерпевают изменения на данный период, характеризуются безвозвратностью к исходному положению, намечая перспективы дальнейшего преобразования и исхода.

Например: *махнуть рукой* [5. С. 302] — ‘X, ранее предпринимая некоторые усилия, приходит к такому понимаю вещей, когда индифферентность становится лучшим способом решения ситуации’. Точки возврата не существует, действие совершено, но развитие действия лишь предполагаемо, как и предполагаем сам результат. *Притаить дыхание* [9. С. 230] — ‘X, заметным образом меняя свою линию поведения, находясь в стадии ожидания иного развития сюжета, что может непременно сказаться на финальном поведении X’. *Навострить уши* [5. С. 553] — ‘X предпринимает попытку анализа ситуации, а исход ситуации непременно окажет влияние на последующее действие X’. Заметим, что *притаить дыхание* и *навострить уши* — образы, построенные на зооморфной метафоре (поведение животных, когда они уменьшают свою дыхательную активность, концентрируя внимание на объекте, что говорит о потенциально предстоящих изменениях в их поведении).

Б). Процессуальные компоненты комиссивной и отчасти менасивной семантики. Основным параметром становится некоторое допущение, угроза, запугивание со стороны X, предположительно влияющие на поведение Y. Например: *показать кузькину мать* [Там же. С. 301] — вербальная карикатурная угроза, заключающаяся в потенциальной демонстрации ближайшего кровного родственника. Стоит полагать, что эмфатическим элементом здесь становится компонент *мать*, являющийся именно

в такой лексической форме для носителя русского языка референцией к некоторым инвективным выражениям, активно использующим данную лексику в разговорной снижено-грубой лексике.

В). Фразеологизмы, которые передают внезапное прекращение реализации какого-либо действия в связи с наступлением иного состояния, резкая и неожиданная смена событий. Например: *точно с неба свалился* [5. С. 334] — ‘спонтанное появление Y в привычном кругу X вызывает недоумение и кратковременную растерянность X’. *Как в воду канул* [Там же. С. 75] — процесс, обратный предыдущему примеру: ‘заметная многим активность X непредвиденным образом сводится на нет, резко останавливая все то, что реализовывал X, поскольку сам X перестает быть в поле видимости окружающих’.

* * *

Таким образом, моделирование плана выражения устойчивого оборота с учетом процессуальной семантики, представленной прежде всего глагольным компонентом в плане выражения ФЕ, основано на фразеологизации однофазного действия (модель 1), образом транспонировании количественно-кваликативных параметров объекта (модель 2), метафоризации линейной

последовательности элементов единого события (модель 3).

Таковы основные (частотные) модели создания образа фразеологизма процессуальной семантики, но они далеко не полны и требуют дальнейшего наблюдения. Тем не менее каждая обнаруженная нами модель представляет особую схему построения образа: для первой рассматриваемой нами модели характерны целенаправленные однофазные действия субъекта, для другой модели — наличие незавершенности процесса, для третьей — непрерывная цепь событий: от начала до конца.

Убеждены, что наличие в языке многопланового моделирования единой семантики фразеологизма (в нашем случае — процессуальной) — отражение в языке обстоятельных наблюдений реальной действительности отдельными представителями народа.

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение функционирования упоминаемых моделей в дискурсивных практиках на материале родственных и неродственных языков с последующим выделением наиболее предпочтительного приема процессуального фразеобразования.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. С. 40—41.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. М.: Медиа Групп, 2007. 785 с.
3. Мужейко И. А. Адъективные устойчивые сравнения в призме структурных и лексических универсалий // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2. С. 155.
4. Никонов Д. О. О фразеологическом словаре и разработке словарной статьи (на примере русских и английских фразеологизмов с компонентом-технонимом) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 143—153.
5. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2003. 608 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2002. 944 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
9. Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Окунева А. П. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л.: Просвещение, 1984. 271 с.
10. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity // *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 25. Pp. 1—16.
11. Vassilenko A. P. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture // *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. Venezuela: Universidad del Zulia. 2018. No. 85. Pp. 825—839.

Сведения об авторах

Дари́ков Артем Алексе́евич — преподаватель кафедры французского языка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия. 912005@rambler.ru

Васи́ленко Анато́лий Петро́вич — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия. a.p.vasilenko@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 39—46.*

MODELING THE IMAGE OF IDIOMS THROUGH THE PROCEDURAL COMPONENT

A. A. Darikov, A. P. Vasilenko

Bryansk state University, Bryansk, Russia

The present article deals with the three basic models of idioms realizing verbal semantics. The first model, the most frequent, forms an image of idioms on the basis of logical completeness of events, while the time frame in which the organization of the process is not specified. The second model forms an idea of the action describing the transition from one state to another, some quantitative and qualificative transformations of the subject. The third model forms the image of procedural idioms on the principle of gradual implementation of events: the initial action, the process of action, the result of action. Each of the mentioned models has an internal subdivision indicating particular cases of procedural phraseology. It should be noted that these three cases are not uniformed of the selected group: there are cases of mixed type models, but, nevertheless, with a pronounced dominant denoted by the author of the title group. The list of models is far from complete, which makes it possible for a more detailed study of the expression of the procedural semantics of phraseological units not only on the material of one language, but also on the material of many languages.

Keywords: *idiom, meaning, verbal action, modeling of the image of idioms, metaphor.*

References

1. Bondarko A. V. (1971) Vid i vremya russkogo glagola [Type and tense of the Russian verb]. Moscow. Pp. 40—41 [in Russ.].
2. Fedorov A. I. (2008) Frazеологический словарь русского литературного языка [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow. 878 p. [in Russ.].
3. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. (2017) *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 25, pp. 1—16.
4. Moscowkienko V. M., Nikitina, T.G. (2007). Bolshoj slovar russkih pogovorok [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow. 785 p. [in Russ.].
5. Moscowzhejko I. A. (2019) *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 [in Russ.].
6. Nikonov D. O. (2017) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (408), pp. 143—153.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2020. 944 p. [in Russ.].
8. Shanskij N. M., Bystrova E. A., Okuneva A. P. (1984) Uchebnyj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Educational phraseological dictionary of the Russian language]. Leningrad. 271 p. [in Russ.].
9. Stepanova M. I. (2003) Frazеологический словарь русского языка [Phraseological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg. 608 p. [in Russ.].
10. Teliya V. N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow. 288 p. [in Russ.].
11. Vassilenko A. P. (2018) *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales. Venezuela*, no. 85. Pp. 825—839.